

И. Михаил Муравьев: Вопросы поэтики творчества и мифологии писательский личности

Л.Росси

Милан, Миланский государственный университет (Италия)

Педагогическая проза М.Н.Муравьева и традиция французского Просвещения

Тема, обозначенная в заглавии, с одной стороны – слишком широкая для короткой статьи, с другой – может показаться исчерпанной. Уже давно Н.Д.Кочеткова, во многом опираясь на подготовительные материалы и педагогические опыты Муравьева, доказала причастность русского сентиментализма к Просвещению как к идеологическому течению [Кочеткова 1994: 24-58].

Вместе с тем, до сих пор малоизученной представляется роль малых повествовательных жанров таких французских просветителей, как Ф.Фенелон и Ж.-Л.Бюффон в становлении русской сентиментальной прозы. Дело в том, что в произведениях переходных эпох мы все склонны усмотреть скорее элементы, предвещающие будущее, нежели связи с недавним прошлым (подробнее – см.: [Росси 1997; Росси 2001]).

Среди прижизненно неизданных произведений Муравьева, написанных для обучения великих князей и княгинь, самое загадочное в жанровом отношении это, кажется, небольшое прозаическое сочинение, рассказ некоего Евандра о приключениях своего младенчества, которое дошло до нас в 3-х редакциях и под различными заглавиями. В состав т. н. «“Евандрова” текста» [Топоров 2001: 643] входят: 1) полная ранняя черновая редакция озаглавленная «Воспитанник немого», снабженная «Примечанием» / «Прибавлением»; 2) диктанты рукой Александра и Константина Павловичей, восходящие к январю 1788 г., где несколько упрощенный текст носит заглавие «Следствия кораблекрушения. Повесть»; 3) сокращенный или незавершенный рукописный беловой текст, написанный Муравьевым для обучения великой княжны Елизаветы Алексеевны в 1793 г., под заглавием «Евандрово младенчество. Древняя повесть». Произведение было опубликовано нами двадцать лет назад, в сборнике XVIII век [Росси 1995: 133-137], и затем перепечатано и обильно прокомментировано в шестом разделе первой книги трилогии, посвященной Муравьеву В.Н.Топоровым [Топоров 2001: 643-650, 661-662].

Действие происходит в античное время, в эпоху Алкивиада и Сократа. В результате кораблекрушения, в котором погибли его родители, герой младенец был выброшен на необитаемый остров вместе со своим верным немым рабом. Невольник обеспечивал существование ребенка, но, как немой, не мог передать ему свои знания и понятия. Таким образом, Евандр был вынужден открывать все заново сам и мало по

малу постигал работу разума, существование мыслей, души и Бога. В «Примечании» сам автор разъяснял педагогическое «намерение» повести: «показать стезю, которою разум достигает к познанию собственных своих деяний».

В свое время нас интересовали прежде всего стилистические особенности различных редакций того, что, упрощая, мы назвали «робинзонадой времен Сократа». При этом в античной обстановке мы усмотрели предвещание вкуса Карамзинской и Пушкинской эпох («Афинская жизнь», «Египетские ночи», «Повесть из римской жизни»). Что касается до повествовательной манеры, рассказ в первом лице «дикого» человека о своих душевных переживаниях мы сопоставили с текстом под заглавием «Ощущения первого человека», найденным в бумагах писателя и «являющимся, скорее всего переводом с французского» [Росси 1995:120-121].

Наряду с многочисленными тонкими наблюдениями и разъяснениями лингвистического характера, Топоров выдвинул определение текста как «“философской” сказки или повести» [Топоров 2001: 644], уточняя при этом, что «“Евандров” текст отсылает» как «к блестящим образцам французской “философизирующей” прозы XVIII века, посвященным встрече человека экзотической цивилизации (“дикого”) с современным ему миром европейской культуры», так и к «греческим романам и повестям поздней античности» [Топоров 2001: 650] (ср. решение включить его в раздел «Освоение пространства (тексты передвижений)»).

Во всех этих сопоставлениях кроется доля правды, но вместе взятые они производят впечатление противоречивости. Тем не менее, можно постараться определить литературные тексты и жанры, в том числе и примыкающие к традиции французского Просвещения, которые входят в состав такого сложного переходного произведения как «Евандров текст». Для этого разложим его на части и рассмотрим каждую отдельно.

Начнем с заглавия, или вернее, с заглавий. Первое, «Воспитанник немого», с намеком на самостоятельность процесса самопознания, перекликается, возможно, с такого типа учебниками французского языка как *Le Maître de Langue Muet ou Instruction Methodique pour apprendre de soy même les Principes de la Langue Française* Ж. Мейера¹ [ср. Vlassov 2013: 78], о популярности которого в эпоху Муравьева трудно, однако, судить.

Второе заглавие, самое распространенное «домашнее» обозначение повести [Росси 1995: 120], составляет, кажется, единственную возможную ее связь с книгой Д.Дефо «Жизнь Робинзона Круза», которая значится в описи библиотеки Муравьева от 1 января 1798 г. [РГБ. Ф.507. К.2. ед.хр.5. Л.6, об.], хотя в его дневниках и письмах мы не нашли никаких упоминаний о романе.

Наконец, третье, более нейтральное заглавие «Евандрово младенчество» сопровождается подзаголовком «Древняя повесть». Очевидно, он не соотносится с ше-

---

¹ Немой учитель языка, или методическая инструкция для самообучения началам французского языка

девром И. Богдановича «Душенька, древняя повесть в вольных стихах». СПб., 1783, а представляет собой попытку автора по образцу «восточной повести» обозначить определенный педагогический жанр, который мы называли бы скорее «античной» повестью, и создателем которого был Ф.Фенелон.

Как известно, еще в Пушкинскую эпоху все «произведения, написанные Фенелоном для своего воспитанника, герцога Бургундского <...> входили в круг обычного детского и юношеского чтения» [Рак 2004], то в русском переводе¹, то в оригинале [Vlassov 2013: 78]. Помимо своего нравоучительного и политического содержания, такие сочинения представляли собою «живое, занимательное художественное повествование о разных странах античности и людях того времени» [Рак 2004].

Среди наиболее переводимых текстов выделяется повесть «Похождения Аристоноя», в наше время забытое, а в XVIII веке исключительно популярное произведение, которое с 1760-х гг. до конца века переводилось на русский язык шесть раз (ср.: [Drage 1978: 155]). Оригинал был опубликован впервые в 1699 г., в Гаагеновском прижизненном издании «Телемака» под заглавием «*Les aventures d'Aristonoüs*» [Fénélon 1983: 1296]. Через год последовало несколько изданий под различными заглавиями, в том числе «*Sophronime*», именем второго, а на самом деле главного, героя повести [Fénélon 1983: 1297]; отдельную редакцию напечатал Э.М.Рэмзи в издании «Диалогов мертвых древних и новых и несколько сказок» 1718 г. [Fénélon 1983: 1323-1324].

Вопреки заглавию, это текст не приключенческого, а «нежного» и трогательного содержания [Кочеткова 1995: 245], «отнесен<ого> к античности» [Левин 1995: 156]. Возвышенным поэтическим слогом повесть рисует идеальную дружбу двух добродетельных уже не молодых греков: поэта или жреца Аполлона Софронима, внука благодетеля Алкина, и несчастного старца Аристоноя, им спасенного. География, более еще чем исторические детали, связывает повесть с «Одиссеей» и с «Телемаком». Все «приключения» уже завершились до начала действия повести, и обо всем рассказывается тоном тихого умиления [Fénélon 1983: 248-258].

Отметив пристрастие русского читателя к повести, исследователи то ли не комментируют его, то ли объясняют его престижем автора [Левин 1995: 156], не ставя, кажется, вопрос последствий ее прочтения, воздействия модели, которую она представляет.

Муравьев причислял к «чудесам добродетели» факт, что «Фенелон образовал Государя» [РНБ. Ф.499. № 28. Л.29] и «Разговоры мертвых», короткий пересказ Фенелоновой сказки «*Histoire d'Alibée (Alibég), Persan*» в самом начале «Тетради для сочинений» (из «Емилиевых писем») [Муравьев 1847: 173-174], а также недавно опознанный нами стихотворный пересказ рассказа Термозириса из II книги «Приключений Телемака» в басне «Изгнание Аполлона» (из «Обитателя предместия») [Росси

¹ См.: СК. Т.3. С.286-290. № 7696-7716.

2013] хорошо доказывают ориентацию воспитателя Александра I на французского предшественника.¹

Можно добавить, что, судя по почерку уже в 1790-е гг., и он переводил начальный абзац Фенелоновой повести:

Софроним, потеряв имения своих предков кораблекрушениями и другими нещастиями утешался своею добродетелью в острове Делосе. Там воспевал он на златой Лире чудеса Бога, которому тамо поклонялися, беседовал с Музами, которые ему были благосклонны: изыскивал любопытно все таинства природы, течение звезд и небес, порядок стихий, строение вселенной, которую измерял он звездочетными орудиями, силу произрастаний, свойства животных; но более всего учился он познавать самого себя и прилежал украшать душу свою добродетелью. Итак щастие, хотевшее унижить его, возвысило до истинной славы, которая состоит в мудрости.

Живучи таким образом благополучно без имения в месте уединенном, увидел он некогда на берегу морском... [ОР РНБ. Ф.499. № 28. Л.47, черновик].²

Однако деталь, обнаруженная в переписке писателя с младшей сестрой 1776 г., когда Муравьеву, сержанту Измайловского полка, было 19 лет, а Федосье, кажется, всего 14, проливает яркий свет и на отношение к этой повести образованной русской молодежи 1770-х гг.. 7 июня Михаил Никитич из Петербурга пишет отцу, председателю казенной палаты Твери. Приписка обращенная сестре необычно коротка, так как молодой сержант спешит «на воксгалл» (так! – Л.Р.), поэтому он прибегает к стихам, или по крайней мере к рифмам:

Тверской воксгал (так!) далек, а Лондонской подавно
А на Парнас не взлезть
Вот то-то славно
Не лучше ль дома сесть?

Сестрица, каково? А! право, вить не худо:
Когда не на стихи, на рифмы хоть взгляни,
Затем вить и стихи, что с рифмами они,
Пусть так или не так, пожалуй не дразни,
Вить песьи дни...

Ба! чтож, здесь рифмы нет. Вот это чудо!

После предполагаемого возражения сестры и шутливой ответа брата следует рифмованная подпись на французском языке: « Все рифмы да рифмы! Зачем братец

¹ В Муравьевской библиотеке не сохранились издания его произведений, и только в уже названной описи значится «Странствование Телемака» [РГБ. Ф.507. К.2. ед.хр. 5. Л.8]. По всей видимости, речь идет о переводе Ивана Захарова, опубликованном в 1786 г.

² Муравьевский отрывок отличается от всех опубликованных переводов.

не пишешь без рифм?... Mademoiselle eh! pourquoi s'il vous plait, voulez vous qu'etant sans raison je soye aussi sans *rime*? Votre *intime Sophronime*»¹ [ОПИ ГИМ, Ф.445, № 48. Л.77].

Итак, ради рифмы Муравьев надевает маску поэта из сказки Фенелона. Очевидно, сестра должна была понять шутку, иначе любящий брат добавил бы пояснение. А именно «интимное» отношение авторов педагогической прозы к писателям, которые сами они читали в детстве, делает соотнесение с их творчеством, в данном случае с жанром «античной повести», для них очевидным, а для нас почти неуловимым.

Возвращаясь к «Евандрову тексту», остается выяснить культурную традицию, стоящую за решением заставить наивного человека пройти все этапы самосознания человечества и, главное, рассказать об этом сам. Прием восходит к «философскому рассказу» (*conte philosophique*), который натуралист Бюффон поставил в конце главы об осязании своей «Естественной истории» («*Histoire naturelle générale et particulière*» 1749 – 1789), в доказательство преимущества этого чувства над другими. В оригинале фрагмент не носит заглавия так, как безымянный герой только *уподобляется* первому человеку в минуту создания [Buffon 2007: 302]. Однако противники писателя стали говорить о нем как об Адаме [Buffon 2007: 1465], а издатели «Избранных фрагментов» («*Morceaux choisis*») Бюффона добавляли пояснительные заглавия. Муравьев переводил начальные абзацы под заглавием «Ощущения первого человека» в середине 1780-х гг., накануне педагогической деятельности при дворе [РНБ. Ф.499. № 83. Л.15]². Однако русский автор не разделял материалистическую концепцию французского натуралиста и два года спустя, в своей повести, заимствуя прием, напротив, заставлял своего героя сделать открытия интеллектуального и духовного порядка.

Ранний исследователь творчества Муравьева немецкий ученый Г.Роте упрекал автора в эклектизме и противоречивости [Rothe 1966]. Нам же он представляется просто искренним и одаренным представителем переходной эпохи Европейской культуры (ср.: [Росси 2001: 321]).

Литература

Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма. – СПб., 1994.

Кочеткова Н.Д. Середина 1780-х годов—1800: сентиментализм // История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. – Том I. Проза. – СПб., 1995. – С.213-279.

¹ Сударыня eh! Простите, почему хотите, что, будучи без ума я был бы также без рифм? Ваш интимный [друг] Софроним [курсив мой: Л.Р.].

² Первые русские переводы монументального труда французского натуралиста восходят к 1789-1808 и 1892-1817 гг. [СК. Т.1. С.137-138. № 810-811], однако отрывки включались уже в «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» 1755-1764 г. [СК. Т.4. С.130. № 150]. Н.Карамзин переводил интересующий нас фрагмент под заглавием «Идеи первого человека при развитии его чувств» [«Пантеон иностранной словесности». II. М. 1798. С. 38-53]. О Карамзине и Бюффоне – ср.: [Сапченко 2008].

Левин Ю.Д. Начало 1760 – середина 1780-х годов: Просветительство // История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. – Том I. Проза. – СПб., 1995. – С.142-212.

Муравьев М.Н. Сочинения. – Т.1. – СПб., 1847.

ОПИ ГИМ. Ф.445, № 48.

РГБ. Ф.507. К.2. ед.хр.5.

РНБ. Ф.499, № 28.

РНБ. Ф.499, № 83.

Рак В.Д. Фенелон // Пушкин. Исследования и материалы. – № XVIII—XIX. – СПб., 2004. – С.338.

Росси Л. Сентиментальная проза М.Н.Муравьева (Новые материалы) // XVIII век. – Сб.19. – СПб., 1995. – С.114-146.

Росси Л. Что такое «перепутаж»? Державин, Муравьев и одна литературоведческая легенда // Новое литературное обозрение. – № 27 (1997). – С.284-286.

Росси Л. Западноевропейская культура в педагогической прозе Михаила Муравьева (1757-1807) // Reflection on Russia in the Eighteenth Century (Papers from the VI International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, Leiden 1999). – Köln – Weimar – Wien, 2001. – С.315-321.

Росси Л. Стихотворная басня М.Н.Муравьева «Изгнание Аполлона» и ее прозаический источник // М.В.Ломоносов и словесность его времени – Перевод и подражание в русской литературе XVIII века. – М.-СПб., 2013. – С.198-208.

Сапченко Л. «Выписки из французских мыслителей в неопубликованном альбоме Николая Михайловича Карамзина», конференция «La Russie et l'Europe: autres et semblables», Université Paris Sorbonne – Paris IV, 10-12 mai 2007: Опубл. в сети 26 ноября 2008 г. // URL : <http://institut-est-ouest.ens-lsh.fr/spip.php?article116> .

СК. Т.1. С.137-138. № 810-811.

СК. Т. 3. С.286-290. № 7696-7716.

СК. Т.4. С.130. № 150

Топоров В.Н. Из истории русской литературы Том II. Русская литература второй половины XVIII века. М.Н.Муравьев: Введение в творческое наследие. – Книга I. – М., 2001.

Buffon G.-L. Oeuvres. – Paris, Gallimard. Bibliothèque de la Pléiade., 2007.

Drage C.L. Russian Literature in the Eighteenth Century. – London 1978.

Fénélon F. Oeuvres. I. – Paris, Gallimard. Bibliothèque de la Pléiade., 1983.

Rothe H. Zur Frage von Einflüssen in der russischen Literatur des 18. Jhs. // Zeitschrift für Slavische Philologie. Bd.XXXIII. H.I. – Heidelberg, 1966. – P.33-68.

Vlassov S. Les manuels utilisés dans l'enseignement du français en Russie au XVIIIe siècle: influences occidentales et leur réception en Russie // Вивліюєніка: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. – Vol.1 (2013). – P.75-98.